

ОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ РЕЛИГИОЗНОГО ВЕРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПСЕВДОИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Действенное сдерживание «исламского» экстремизма и терроризма возможно только при комплексном подходе к этим социально-политическим явлениям. При этом философское осмысление классического мусульманства, его истоков и содержания, поможет найти истоки трансформации религии в духовную основу преступной деятельности.

Ключевые слова: религия, ислам, язычество, экстремизм, трансформация.

Диалектический закон единства и борьбы противоположностей позволяет исследовать исламскую религию как цельность, состоящую из антитез. Необходимо признать, что экстремизм и терроризм не только маскируются под религиозную риторику и атрибутику мусульманства. Ислам, как и другие религии, имеет «скрытую сущность» – стремление количественного и качественного расширения. Поэтому утверждение о том, что классический ислам не имеет к терроризму никакого отношения, не содержит конкретных аргументов.

С другой стороны, ислам, как монотеистическая религия, взявшая «рациональное зерно» иудаизма и христианства, по своей природе не является основой утопического сознания. Без иллюзорного отражения реальности, формирующей искаженную картину социального бытия, экстремистский дух невозможен. Могущество Всевышнего есть гарантия устойчивости и стабильности мира, которую нельзя преобразовать на основе рациональных конструкций и фанатического стремления. Принципы Терпимости и Компромисса, господствующие в исламе, позволяют сепарировать религию от терроризма.

Добро и Зло как философские понятия представляют собой противоположные стороны, которые одновременно исключают и предполагают друг друга. Это хорошо видно на примере исламской религии. Гегель в «Философии религии» замечает, что в исламе, в «магометанстве» «...единая цель возвышается до всеобщей и таким образом становится фантастической»¹. Фанатизм, переходящий в экстремизм, обнаруживается и у иудеев (однако он обнаруживается лишь в том случае, если опасность грозит их владению, их религии). Фанатизм обнаруживается, так как только одна эта единичная цель выступает совер-

шенно исключающей «...и не допускает никакого опосредствования, общности, никакой общей направленности с чем-либо другим»².

Если в христианской религии речь идет о том, что Бог «...хочет, чтобы все люди пришли к осознанию истины», то в исламской религии «цель» имеет эмпирический характер. Она «...состоит во внешнем охватывании, в господстве над миром. Цель, содержанием которой является мировое господство, внешняя индивидууму и становится все более внешней по мере ее осуществления, так что индивидуум только подчинен, только служит этой цели»². В исламе субъект не имеет ни особенной, ни какой-либо объективной цели, кроме почитания Единого Бога. Эта форма является религией, в ней есть утвердительное отношение к сущности, которая является Единой, субъект отказывается здесь от себя. Эта религия имеет такое же объективное содержание, как и иудейская религия, но отношение человека здесь шире: у него не остается здесь никакой особенности, здесь недостает иудейской веры в значении своей нации, которое «полагает это отношение к Единому, здесь нет ограничения, человек относится к этому Единому как чистое абстрактное самосознание»³. Ислам является, как и христианство, духовной религией, но лишь в абстрактном знающем духе, данный Бог выступает для самосознания и «...стоит на одной ступени с христианским Богом»; ведь в нем не сохраняется никаких частных свойств. «Кто боится Бога, тот ему угоден, и человек имеет ценность лишь постольку, поскольку он полагает свою истину в знании того, что это – Единый, сущность. Не признается никакой перегородки между верующими и между ними, с одной стороны, и Богом – другой. Перед Богом снимается определенность субъекта по положению и рангу: будет ли субъект высокопоставленным

или рабом, имеет второстепенной значение»³. Если во Христе духовность конкретно развита и осознается как «триединство», т. е. как «дух», то магометанин, как замечает Гегель, «ненавидит и изгоняет все конкретное, Богу у него есть абсолютно Единый, по отношению к которому человек не сохраняет для себя никакой цели, никакой партикулярности, никакого своеобразия»³.

Вместе с тем заметим, что существующий человек весьма партикулярен в своих наклонностях, интересах, так что последние являются «...тем более дикими, необузданными, что они не подвергаются рефлексии, но вместе с тем существует и полная противоположность – все бросить, оставаться равнодушным ко всякой цели – абсолютный фатализм, равнодушные к жизни, несущественность какой бы то ни было практической цели. Но поскольку человек является также и практическим, деятельным, то целью теперь может стать только пробуждение в людях желания прославлять Единого; поэтому магометанская религия в сущности своем фанатична»⁴. Если Бог не конкретен, то он, безусловно, и лишен всякого содержания. При этом невозможно и явление Бога во плоти, возвышение Христа до Сына Божьего. Следовательно, от Божественной истории здесь ничего не остается (о Христе говорится так же, как в Коране). Исламский дух «купается» в эфире неограниченности, любителю звездами и Вселенной; этот дух отказывается в качестве «бесконечной независимости» от всего особенного, от сословия, «от всякой тщеты»⁴.

Сказанное позволяет сделать вывод, что хотя ислам и включает в себе гуманное «ядро», тем не менее, процесс возвышения единичной цели до всеобщей создает социально-метафизические предпосылки экстремистского духа, который стремится «охватить» всю действительность, «превратить утопию в реальность, которая на самом деле лишь отдалается от действительности. Вместе с тем в защиту исламской религии надо сказать, что ислам имеет гораздо больше последователей, чем христианская религия. Ислам говорит о просто вечном, составляющем основное воззрение «определение внутренней глубины». И данная «простота принципа сама по себе способна подчинить себе различные народы»⁵.

Политические деятели арабо-исламского мира, развернувшие борьбу за перераспределение власти после ухода колонизаторов, обо-

сновали свои идеологии на мусульманском вероучении вполне закономерно. Во-первых, кризисные явления, затронувшие либеральную и социалистическую идеологии, вынудили их искать иные варианты обоснования своих доктрин. Во-вторых, ислам имеет многовековую традицию обеспечения стабильного функционирования социумов Азии и Африки и мобилизации мусульман на общие действия.

Эрих Фромм, обращаясь к проблеме веры, обоснованно отмечает: «Без веры человек делается бесплодным, беспомощным. Без веры человека охватывает ужас и панический страх»⁶. Однако как ученый он не может принять религиозную веру как иррациональное явление, вызванное бессилием личности перед силами природы или социальным унижением. Для мыслителя близка рациональная *вера*, выражающаяся в плодотворности. «Жить, рационально веруя, – значит жить плодотворно и иметь ту единственную уверенность, происшедшую из плодотворной деятельности и опыта, который показывает, что каждый человек обладает даром деятельной, активной жизни»⁷.

Трансформация исламской религии в идеологическую и организационную основу современного терроризма объясняется многими причинами. Одной из них является то обстоятельство, что люди как сознательные существа, объединенные в социумы, не могут прогрессировать без религии. При этом, как отмечает Э. Дюркгейм, само общество является автором и предметом религиозного культа и догматов. Социумы создают религию и религиозное поклонение, общество – Бог и верующий одновременно⁸.

Когда мы ведем речь о псевдоисламском терроризме, то подразумеваем то обстоятельство, что мусульманство действительно является идейно-организационным фундаментом данного явления. Однако религия была подвержена такой трансформации, что превратилась в аморальную и преступную деятельность. Псевдоисламские боевики, подвергнув ревизии традиционный ислам, «сотворили бога», принципиально отличающегося от Всевышнего.

Понять роль религии в прошлых и современных обществах позволяет работа современного исследователя С. Московичи «Машина, творящая богов». Вслед за Э. Дюркгеймом он доказывает, что источником возникновения и эволюции религиозных верований

является общество. При этом автор исходит из того, что нельзя объяснить социальную реальность только на основе принципа «Бытие определяет сознание». Сознание и материя коррелированы так, что нельзя одно вывести из другого. Для человеческих социумов духовный и материальный аспекты бытия соотносятся как объективное и субъективное. «Выражаясь плоско, тайна и происхождение нашей общественной жизни спрятаны в следующем: они – субъективны/объективны. У нас нет никакой причины думать, по крайней мере, сегодня, что мы смогли бы отличить в ней психический аспект от социального, или же следует, наоборот, говорить о психо/социальном, не имея возможности устранить один из терминов, сохраняя другой, ментальное ради нейрофизического»⁹. Таким образом, психические аспекты (верования, страсти и т. д.) чаще, чем это принято считать, лежат в основе социального (общественных структур, идеологии, продуктов, институтов и т. п.). Более того, не будет ошибкой тезис о том, что социальное и личностное бытие человека как представителя особого рода существ возможно только при наличии какой-либо духовной основы. Начиная от первобытных мифов, объясняющих зарождение мира, и завершая современными политическими концепциями, идейные конструкции обеспечивают человеку уверенность в стабильности бытия. Наиболее удобной основой жизнедеятельности людей представляется идея трансцендентного Бога, обеспечивающего личность надеждой на вечность и исполнение желаний.

При этом необходимо иметь в виду то, что XX столетие характеризуется трансформацией монотеизма в язычество. Социально-политические и духовные явления доказывают следующее: переход европейцев от христианства к рационализму вызвал кризис разума (две мировые войны, современная свобода вседозволенности подтверждают данный тезис). Однако рубеж тысячелетий, проявившийся трагическими событиями в США, России и других странах, и связанный псевдоисламским терроризмом показывает, что и в исламе выявилась конкретная тенденция к язычеству. Представляя собой изолированные, узкосоциальные общественные образования, псевдоисламские преступные организации создают своих богов. Читая намаз (молитву) Аллаху, боевик псевдоислама, по сути, поклоняется языческому идолу власти и денег.

Ислам, одна из мировых религий – это проявление духовной сферы общества, представляющий собой культурный феномен. В работе «Книга откровения» Ф. Энгельс отмечает революционный характер христианской религии¹⁰. Сущность данной революции, так же как и тех революционных изменений, которые были вызваны исламом, заключается в переходе от первобытно-языческого уровня духовности к более высокому, обеспечивающему морально-этический прогресс человечества. Нет необходимости перечислять те положительные изменения, которые произошли в арабском мире после принятия ислама. В общем, они были вызваны новыми нравственно-этическими принципами и общественными взаимоотношениями (запрет убийства новорожденной девочки, применение спиртного, осуждение рабства, призыв к просвещению и овладению науками и т. д.).

Однако современные псевдоисламисты используют не морально-этический компонент мусульманства, а так называемый исламизм, то есть политический ислам. Его сущность заключается в использовании политических аспектов исламской религии, изложенных в Коране. При этом, и это самое главное, идеологи псевдоислама трактуют вырванные из общего контекста положения мусульманства, совершенно игнорируя нравственную природу мусульманства. Провозглашая джихад, они «забывают» хадисы пророка Мухаммеда, согласно которых самый главный джихад – это внутренний, направленный на моральное совершенство; категорически запрещается убийство, грабежи и насилие над мирными гражданами.

Революционный характер деятельности пророков: Гаутама Сиддхарты (Будды), Иисуса и Мухаммеда заключается в обосновании новых морально-этических норм, обособляющих людей от животных. Фундаментальным принципом новой морали В. С. Соловьев считает стыд. «Глубочайший смысл стыда: то, что стыдится, в самом психическом акте стыда отделяет себя от того, чего стыдится, – человек, стыдящийся животной природы в ее коренном процессе, тем самым доказывает, что он не есть только явление или процесс этой природы, а имеет самостоятельное, сверхживотное значение»¹¹. Мысль великого философа во многом реализуется в мусульманстве. Морально-этический аспект ислама формирует такой комплекс психических и интеллектуальных установок, которые автоматически приводят к

стыдливому отношению к непозволительным шариадом деяниям: к прелюбодеянию, потреблению спиртного, воровству и т. д.

Религиозная вера основывается на принципах Любви и Добра как основах бытия личности. Одно из современных учений о приоритете Добра во взаимоотношениях между людьми создано Мартином Лютером Кингом. Для него принципы Иисуса в XX в. превращаются в конкретное требование для всех людей. «Заповедь “Любите врагов ваших” – это не благочестивое пожелание мечтателя-утописта, а абсолютное условие нашего выживания»¹², – провозглашает гуманист. Данное требование мы понимаем как основу перехода от животных инстинктов, вызывающих экстремизм и терроризм, к истинно человеческим, высоко нравственным принципам бытия людей. Данный аспект человеческого бытия также отмечается в трудах профессора В. С. Хазиева¹³.

Мохандус К. Ганди останется в истории человечества как одна из великих личностей, которые не только провозгласили отказ от животной агрессии и насилия, но претворили его в реальность в условиях Индии. Его главный принцип звучит так: «Ненасилие – это оружие сильных»¹⁴. Для нас это звучит несколько иначе: «Ненасилие – это оружие людей!» Только настоящий человек, обладающий знаниями и мудростью, способен навсегда отказаться от любых проявлений злобы и агрессивности при решении своих проблем. Оружие и агрессивность были и остаются проявлениями нашего духовного атавизма, вызывая смерть, страх и страдания.

Насилие, как существенная черта террора, есть величайшая иллюзия. Увлекая террориста мнимыми, сиюминутными «успехами» в виде смерти, крови, атмосферы страха и недоверия, взрывы, похищения и др. проявления террора никогда к желаемому успеху не приводили. Такая черта террора, которая, по сути, превращает его в бессмысленное занятие, отмечена в работе А. А. Гусейнова. «Насилие есть разрушительная сила, точнее было бы даже сказать: саморазрушительная, ибо в своем последовательном осуществлении как абсолютное зло оно оборачивается против самого себя»¹⁵.

Наша концепция основывается на том, что религия была и остается сдерживающим животными инстинкты человека. Только возрождение общечеловеческих принципов мировых религий может привести к решению глобальных проблем, среди которых вопросы

войны, в данном случае террора, остаются самыми существенными. Самые первые *табу* (запреты на кровосмешение, убийства внутри рода и т. д.), заложившие основы превращения обезьяны в человека, были получены от Всевышнего. Думать иначе, значит признать то, что обезьяны сами пришли к мысли о необходимости отказа от привычных, причем связанных с получением, прежде всего, сексуальных удовольствий, традиций. Это было сделано благодаря новой информации, полученной от трансцендентного источника.

Среди философов, которые видят в религии средство решения проблем, создаваемых утопическим сознанием, необходимо отметить Г. В. Флоровского. Прежде всего, для нас существенным представляется мысль философа о том, что земная жизнь есть иллюзия, поэтому нет смысла стремиться к его изменению, особенно методами террора, революции и войн. «Нет земного града, и не будет; но надо непрестанно “взыскать” Града Небесного и “толкаться” в него, запасая елей для будущих светильников»¹⁶.

«Забывая» приоритет внутреннего джихада над внешней борьбой, псевдоисламские идеологи акцентируют внимание на эмпирической стороне общественного бытия. Для них главное – это достижение политической цели. Власть они намереваются использовать для установления шариатского права на геополитическом уровне. При этом принципиальное значение лидеры псевдоисламских политических движений придают формальному соблюдению исламских ритуалов. Данная мысль основывается на том, что нравственно-этические нормы, прежде всего, любовь, милосердие, терпеливость, братство и другие, игнорируются. Получается, что псевдоислам проявляет себя как политическое явление, основанное на атеизме.

Фундаментальные изменения личности и всего общества возможны только при развитии духовно-нравственных начал. «Нужно, чтобы все поняли, что не механические какие-либо внешние формы власти выведут наш народ из бездны его падения, а лишь новый поворот общественного сознания. Нужно, чтобы <...> проснулся жертвенной готовности служить общему и целому»¹⁷. Так писал русский мыслитель П. И. Новгородцев о решении российских проблем в прошлом столетии. Данная мысль имеет непосредственное значение для народов мира на современном этапе.

Конечная цель псевдоисламских экстремистов – создание мирового Халифата на основе «истинно» исламских принципов жизнеустройства, которые приведут к решению существующих проблем и «вечно истинной, справедливой» социальной системе. Однако Г. В. Флоровский отмечает: «В мире ничего нельзя выстроить “навсегда” потому, что не один человек в мире, и не дано единому человеку спасти весь мир»¹⁸. Верующий во Всевышнего отличается от «строителя» утопического проекта тем, что понимает истинность Вечной, Небесной жизни. Он не позволит своей душе пропасть из-за мгновенных, иллюзорных удовольствий земного бытия. Таким образом, по мнению мыслителя, только религия как духовный феномен способна спасти мир от утопического соблазна и связанного с ним стремления «исправления» общества путем террора.

Роль ислама как духовной основы борьбы против псевдорелигиозного экстремизма и терроризма, как реальной возможности формирования иммунитета у молодежи от этих явлений отмечают и современные исследователи. Указывая на агрессивность исламского фундаментализма, Д. А. Гуцин и Е. Резван акцентируют внимание на том, что ислам требует глубокого изучения основ мусульманства: «С целью противопоставления экстремистским толкованиям Корана толерантное его понимание»¹⁹.

Среди отличительных черт человека от животного важнейшей представляется свобода, то есть способность сделать осознанный выбор. Однако человек понимает, что за свое предпочтение ему придется отвечать. Поэтому ему нужна моральная поддержка, которая приходит к нему в виде религиозных верований, политических мифов и т. д. Бог или вождь дают ему успокоение, снимают ответственность за допущенные ошибки. Если 60 миллионов немцев «доверились» Адольфу Гитлеру, то современные псевдоисламские экстремисты «поклоняются» Аллаху в интерпретации идеологов преступных организаций, рвущихся к власти.

Человеческий социум не может успешно функционировать без признания трансцендентного, потустороннего. Для современных обществ характерен переход от поклонения ко Всевышнему, сдерживающему человеческие пороки, к фетишу благополучной жизни, освобождающего личность от нравственных норм. Такая трансформация духовности

наблюдается и в исламе. Из традиционной для миллионов людей религии, помогающей сдерживать животные инстинкты, мусульманство превращается определенными социальными слоями в орудие политической борьбы. При этом традиционный ислам представляет собой наиболее реальную силу, способную противостоять экстремизму и терроризму.

Примечания

¹ См.: Гегель, Г. В. Ф. *Философия религии* : в 2 т. / общ. ред. А. В. Гулыги ; пер. с нем. П. П. Гайденка и др. М. : Мысль, 1977. С. 106.

² Там же. С. 180.

³ Там же. С. 327.

⁴ Там же. С. 328.

⁵ Гегель, Г. В. Ф. *Философия религии* : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1976. С. 517.

⁶ Фромм, Эрих. *Человек для себя // Бегство от свободы*. Минск, 1998. С. 612.

⁷ Там же. С. 623.

⁸ Дюркгейм, Э. *Избранное*. URL : beersite.narod.ru/durka/krd.html. С. 1–2.

⁹ Московичи, С. *Машина, творящая богов*. URL : http://www.koob.ru/moskovichi_s/mashina_tvoryashaya_bogov. С. 8.

¹⁰ Энгельс, Ф. *Книга откровения // Маркс, К. Полн. собр. соч. : в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс*. 2-е изд. М., 1955. Т. 21. С. 8.

¹¹ Соловьев, В. С. *Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев, В. С. Сочинения* : в 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 51.

¹² Кинг, Мартин Лютер. *Любите врагов ваших // Вопр. философии*. 1992. № 3. С. 68.

¹³ См.: Хазиев, В. С. *Онтологическая ценность человека в русской философии // Культурное наследие России : универсум религиозной философии*. Уфа, 2004. С. 56.

¹⁴ Мохандус, К. Ганди. *Моя вера в ненасилие // Вопр. философии*. 1992. № 3. С. 65.

¹⁵ Гусейнов, А. А. *Этика ненасилия // Там же*. С. 79.

¹⁶ Флоровский, Г. В. *Метафизические предпосылки утопизма // Там же*. 1990. № 10. С. 97.

¹⁷ Цит. по: *Общественный идеал П. И. Новгородцева // Соц.-гуманитар. знания*. 2000. № 2. С. 241–247.

¹⁸ Флоровский, Г. В. *Метафизические предпосылки утопизма*. С. 97.

¹⁹ Гуцин, Д. *Исламская культура и мировая цивилизация / Д. Гуцин, Е. Резван // Вестн. рос. филос. о-ва*. 2001. № 4. С. 26.